

КЭРОЛАЙН ЛИНДЕН

НОЧЬ ЛЮБВИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л59

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Caroline Linden
ONE NIGHT IN LONDON

Перевод с английского Я. Царьковой
Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линден, Кэролайн.

Л59   Ночь любви : [роман] / Кэролайн Линден ; [перевод с английского Я. Царьковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-184011-2

Леди Франческа Гордон намерена вырвать маленькую племянницу из рук равнодушной мачехи и получить опеку над девочкой. Однако для этого нужен лучший адвокат Лондона, а того уже перекупил богатый герцог, обремененный тяжбой о наследстве... В отчаянии Франческа стремится отстоять справедливость в особняке герцога и неожиданно сталкивается с его братом, притягательным Эдвардом де Лейси.

Эдвард предлагает разгневанной красавице деловой союз, но постепенно их партнерство перерастает в сильное, непреодолимое чувство...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-184011-2

© P.F. Belsley, 2014
© Перевод. Я. Царькова, 2025
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

Глава 1

Герцог Дарем умирал.

Об этом не говорили прямо, но все понимали, что конец близок. Стараясь производить как можно меньше шума при выполнении отдаваемых шепотом указаний, слуги готовили дом к трауру. Нотариуса уже поставили в известность и ждали его прибытия. В срочном порядке были разосланы письма сыновьям герцога — одному в Дувр, в расположение расквартированного там полка, другому в Лондон, с призывом как можно быстрее приехать домой. Дарем и сам знал, что смерть его близка, и вплоть до внезапного сердечного приступа, который случился накануне вечером, он лично отдавал распоряжения, касающиеся церемонии погребения.

Эдвард де Лейси стоял возле постели умирающего отца. Скрюченный подагрой герцог полулежал, опираясь на подушки. Он дышал с трудом и был без сознания. Врач считал, что надежды на выздоровление нет и что с каждой минутой старику будет становиться только хуже. Уход из жизни отца не мог оставить Эдварда беспечальным, но утешением мог служить тот факт, что отец его прожил долгую, насыщенную событиями жизнь и умирал своей смертью.

Дарем очнулся.

— Чарлз? — слабым голосом позвал он. —

Это ты?

Эдвард шагнул ближе.

— Нет, сэ, — тихо сказал он. — Чарлз еще не приехал.

— Я должен... поговорить... с Чарлзом, — задыхаясь, проговорил отец. — Должен... — Он поднял руку и немеющими пальцами схватил Эдварда за рукав. — Приведи его... ты должен его привести.

— Он уже в пути, — пообещал Эдвард, хотя отнюдь не был в этом уверен. В письме к брату Эдвард описал ситуацию, до предела сгустив краски, но все его увещевания и призывы могли возыметь действие лишь в том случае, если письмо попадет Чарлзу в руки, однако и это не гарантировало результат: брат мог оказаться в той степени опьянения, когда просто не сможет прочесть письма, а тем более понять, о чем оно. И даже если он сможет прочесть и понять написанное, не факт, что он захочет приехать.

Эдвард пожал руку герцога и, возмещая нехватку уверенности избытком надежды, сказал:

— Он непременно появится с минуты на минуту.

— Я должен сообщить ему... — пробормотал Дарем, скривившись от досады, — всем вам...

Эдвард ждал продолжения, но отец его закрыл глаза и замолчал. Лицо умирающего исказила мука. Эдвард поймал себя на том, что испытывает досаду, и тут же мысленно отчитал себя за мелочную зависть. Ему нужен Чарлз, всегда Чарлз, первенец, в то время как он, Эдвард, был тем единственным из трех сыновей герцога, на которого Дарем всегда мог положиться, на которого всегда рассчитывал.

Эдвард резко одернул себя. Не об этом надо думать, когда отец стоит на пороге вечности.

— Сообщите обо всем мне, сэ, — прошептал он, — я передам Чарли на случай, если... — «На слу-

4   чай, если он не прибудет вовремя». — Я позабо-

чусь о том, чтобы он узнал все, что вы хотите сказать, как только он придет, если вы в это время будете спать.

— Да, — услышался тихий голос отца. Язык его заплетался. — Я усну. Скоро. Но не... не раньше, чем скажу Чарлзу... — Он вздохнул и затих. Он лежал так тихо, что на мгновение Эдвард подумал, что худшее уже произошло. Однако грудь герцога чуть заметно вздымалась — он был все еще жив.

В гнетущей тишине комнаты слышался отдаленный стук копыт. В тот же миг умирающий вздрогнул, приободрившись, и, приподнявшись на локтях, сел в кровати.

— Чарлз, — сдавленно прошептал Дарем. Лицо у него стало пепельно-серым. — Чарлз... Это ведь он, Эдвард?

Эдвард бросился к окну. Он заметил, как мелькнул красный китель, за мгновение до того, как визитер скрылся из виду, ступив под фронтоном над главным входом.

— Это Джерард, отец.

— А, — сказал Дарем, — без сил опустившись на подушки. — Славный мальчик, Джерард.

Эдвард криво усмехнулся. Отец попытался скрыть разочарование, но ему это плохо удалось. Однако Эдвард был рад уже тому, что приехал хотя бы младший брат.

— Я пойду и приведу его.

— Да, — пробормотал Дарем, — мне будет приятно его увидеть. А Чарлз... Чарлз скоро придет?

— С минуты на минуту, — снова сказал Эдвард и выскользнул за дверь.

Ему на смену в комнату тут же вошел доктор. А Джерард уже бежал вверх по лестнице.

— Я опоздал? — с тревогой спросил он.

Эдвард покачал головой. Джерард выдохнул и провёл ладонью по волосам. Темные волосы его были влажными от пота, и пыль покрывала его с головы до пят.

— Слава Богу. Я скакал весь день, едва не загнал бедного коня. — Он посмотрел на Эдварда. — Чарли здесь?

— От него ни слуху ни духу, как обычно, — пробормотал Эдвард. Они вместе шли по коридору к спальне отца. — Отец попросил его приехать еще два дня назад.

— Ну что же, кое-что никогда не меняется, — со вздохом констатировал Джерард и расстегнул несколько верхних пуговиц на кителе. — Мне бы помыться.

Эдвард кивнул:

— Все уже готово. Только, Джерард, поторопись.

Брат остановился на пороге спальни.

— Так он на самом деле умирает?

Это казалось невероятным даже Эдварду. Дарем был человеком с живым и бурным темпераментом и так же крепок телом и духом, как его сыновья. С тех пор как двадцать лет назад умерла герцогиня, дом герцога являлся оплотом чисто мужских занятий и развлечений, и никто из домочадцев не отдавался этим занятиям с таким самоотречением, как сам герцог Дарем. Эдварду было уже почти восемнадцать, когда братья смогли наконец превзойти отца в меткости, а обскакать герцога им удалось, лишь когда семейный врач настрого запретил его светлости садиться в седло после того, как в возрасте семидесяти лет он упал с лошади и повредил себе спину.

Но сейчас Дарему было восемьдесят. Он был пожилым человеком и вот уже больше полугода стремительно угасал. Джерард не видел отца все это время и потому не мог знать, как сильно тот сдал.

— Да, он совсем плох, — сказал Эдвард, отвечая на вопрос брата. — Я удивлюсь, если он переживет эту ночь.

Когда несколько минут спустя младший брат осторожно вошел в комнату умирающего, Эдвард уже вернулся туда и стоял у окна. Дарем велел ему ждать там, чтобы немедленно объявить о появлении Чарли. Интересно, думал Эдвард, что хотел он сообщить Чарли такого важного? Видит Бог, Чарли вот уже лет десять, а то и больше, нет никакого дела до отца и того, что он имеет ему сказать, и, по всей очевидности, ему и сейчас все равно. Но какие бы слова ни приберег Дарем для своего наследника, он явно придавал им какую-то особую важность, раз так настаивал на том, чтобы быть услышанным.

Скрипнула дверь, и герцог снова резко поднялся и воскликнул:

— Чарлз?

— Нет, отец, это я, Джерард. — В голосе Джерарда не было и намека на обиду. Он прошел к кровати и взял отца за руку. — Эдвард написал мне какую-то ерунду, будто ты заболел, — сказал он. — Вот я и приехал, чтобы вправить ему мозги.

— Но почему ты не привел Чарлза? — уже в агонии воскликнул герцог. — Ах, мальчики!.. Я должен сказать Чарлзу... попросить у него прощения.

Неожиданный поворот. Эдвард и Джерард переглянулись.

— Просить у него прощения, отец?

По впалой щеке герцога покатилась слеза, оставляя влажный след.

— Я всех вас должен молить о прощении. Я не знал... Если бы я только знал... Если бы я узнал вовремя... У тебя, Джерард, все будет хорошо, ты все-

гда умел выходить сухим из воды, и у Эдварда будет леди Луиза... Но Чарлз. Чарлз не будет знать, что делать...

— Что вы имеете в виду? — Эдвард отдал должное невозмутимому тону брата, хотя отчего-то волосы у него на затылке зашевелились.

— Эдвард... — Дарем протянул к нему дрожащую руку.

Эдвард подошел ближе, опустился на колени возле кровати и наклонился к отцу, чтобы лучше слышать слабеющий старческий голос.

— Я знаю, что ты меня простишь и разберешься, как поступить... Прости меня. Я должен был сказать раньше... До того как стало слишком поздно...

— Что рассказать, отец? Что слишком поздно? — Эдвард боролся с необъяснимым страхом.

У него за спиной Джерард свистящим шепотом попросил доктора выйти.

— Скажите Чарлзу... — хрипел герцог, — скажите ему, что мне жаль...

— Вы сами ему скажете, когда он придет, — проговорил Эдвард.

Джерард в два шага преодолел расстояние до окна, но покачал головой, выглянув на дорогу. Эдвард вновь повернулся к отцу.

— Отдыхайте, сэр.

— Отдыхать! — Дарем закашлялся. Все тело его содрогали конвульсии. — Не знать мне покоя, пока вы не даруете мне прощения... — Голубые глаза его, обращенные к Эдварду, горели безумием.

— Я... — Эдвард запнулся. — Да. Что бы там ни было, отец, я тебя прощаю.

— Джерард! — воскликнул герцог.

— Вы знаете, что я прошу вас, сэр. — Джерард вернулся к кровати. — Но за какое преступление? —

8   Даже он не был сейчас способен шутить.

— Я пытался... — герцог говорил все тише, — нотариус... расскажет... Простите.

После этого ничего связного Дарем уже не говорил. Он то впадал в беспамятство, то ненадолго вновь приходил в сознание. Так продолжалось весь день и весь вечер, и наконец глубокой ночью он перестал дышать. Эдвард в это время сидел рядом с кроватью. Джерард был с ним почти все время и ушел спать пару часов назад, валясь с ног от усталости. Доктор уснул еще раньше, и Эдвард не видел причин его будить. Дарем прожил жизнь долгую и содержательную, а последние несколько месяцев сильно страдал от боли. То, что сейчас Дарем наконец обрел покой, было высшим милосердием.

Эдвард медленно выпрямился в кресле и наклонился, чтобы взять руку отца. Она была все еще теплой. На ощупь она была такой же, как весь прошедший год, когда болезнь поселилась в теле герцога, пожирая его изнутри, иссушая его плоть. Рука его была бессильной и вялой, и таковой и останется.

— Прощай, отец, — сказал он тихо, вернув безжизненную руку на отцовскую грудь.

Нотариус герцога, мистер Пирс, прибыл на следующий день. Он вот уже двадцать лет вел дела Дарема, как отец его и дед до него. Когда экипаж нотариуса подъехал к дому, Эдвард уже ждал его в холле.

— Наверное, мне бы следовало начать с выражения соболезнования, — сказал Пирс, взглянув на висевшую на двери траурную ленту. — Я сочувствую вашей утрате, милорд.

— Спасибо. — Эдвард сдержанно поклонился.

— Его светлость отправил мне подробные указания, как всегда. Я задержался с визитом на сутки, собирая всю информацию, какую по его желанию должен вам предоставить. — Пирс сделал паузу. — Как только вы будете готовы, я в вашем распоряжении.

— Мой брат, лорд Грешем, еще не прибыл. Мы с капитаном де Лейси не хотели бы приступить к делу без него.

Пирс кивнул:

— Как пожелаете, сэр.

— У меня к вам только один вопрос, — сказал Эдвард, остановив нотариуса взмахом руки. — Перед самой кончиной отец был сильно взволнован, умолял нас простить его, но он ни за что не захотел говорить, в чем именно перед нами провинился. Он сказал, что вы все разъясните.

Пирс вздрогнул от неожиданности.

— Он не... Он вам не сказал?

— Что он нам не сказал? — Джерард спускался по лестнице, на ходу застегивая китель.

— Добро пожаловать домой, капитан. Мои глубочайшие соболезнования, — сказал, учтиво поклонившись, нотариус.

— Благодарю вас, мистер Пирс. — Джерард обернулся к Эдварду. — Таинственное прегрешение? — Эдвард коротко кивнул, и Джерард устремил пристальный взгляд на мистера Пирса. — Вы знаете, что имел в виду Дарем? — спросил он, по своему обыкновению, без обиняков.

Мистер Пирс переводил взгляд с одного брата на другого.

— Да, — сказал он, — думаю, что знаю. У меня имеется письмо, а также несколько других документов, полученных от его светлости, которые все объяснят, если такое вообще можно объяснить. Но я думаю, нам следует дождаться лорда Грешема, чтобы вы смогли вместе выслушать все, включая завещание вашего отца.

— Один Бог знает, когда Грешем выберется в Суссекс из Лондона, — сказал Джерард. — Мы

10 с братом хотели бы знать сейчас.

— Да, — кивнул Эдвард, когда нотариус вопросительно на него посмотрел.

Они с Джерардом так и не смогли разгадать, что имел в виду отец, и это нервировало Джерарда не меньше его самого. За завтраком они договорились, что, поскольку Дарем взвалил эту задачу на нотариуса, скорее всего речь шла о каких-то неурядицах с наследством. Возможно, отец в своем завещании поставил какие-то обременительные условия для получения наследства или выдвинул какие-то неожиданные требования. Впрочем, во власти Дарема было свое завещание изменить, и тогда необходимость вымаливать прощение у своих сыновей отпала бы сама собой. Оба брата пребывали в полнейшей растерянности, и обоим не терпелось получить ответы на свои вопросы.

Мистер Пирс набрал в легкие воздух.

— Его светлость пожелал, чтобы вы услышали это сразу — все трое! — поскольку то, что вы услышите, касается всех вас троих.

— Мы требуем, чтобы вы сообщили нам обо всем прямо сейчас, — резко осадил нотариуса Джерард.

— Будьте любезны, — несколько вежливее добавил Эдвард, — сообщить нам сейчас, поскольку мы не желаем тянуть с этим вопросом.

— Ваш отец...

— Он мертв, — сказал Эдвард. — Насколько я понимаю, в настоящий момент вы находитесь на службе моего брата.

Все знали, что поместьем Дарем управлял Эдвард. В его ведении находилось все, включая то, какие цветы сажать в саду. Все также знали, что Чарлзу плевать на то, какой именно нотариус будет вести его дела. Если бы Эдвард решил уволить Пирса, Чарлз бы и пальцем не пошевелил, чтобы этому помешать. И кому, как не мистеру Пирсу, было знать о том,

насколько выгодно вести юридические дела Дарема. Он колебался разве что пару секунд, в нерешительности переводя взгляд с Эдварда на Джерарда и обратно.

— Беда в том, — понизив голос, заговорил нотариус, — что проблему четко не определить. Корни ее уходят в далекое прошлое, а распутать этот клубок после стольких лет будет непросто.

— Что за клубок? — прорычал Джерард.

— Существует вероятность, — осторожно подбирая слова, продолжил мистер Пирс, — очень малая вероятность, хотя и эту малую вероятность нельзя игнорировать, что...

— Что? — довольно резко напомнил Пирсу Эдвард, когда нотариус снова в нерешительности замолк. Эта нерешительность нотариуса лишь усугубляла самые худшие подозрения Эдварда.

— Вероятность того, что все вы, я хочу сказать, что вы все... возможно... не сможете получить свое наследство... полностью.

— Что?

— Объясните. — Эдвард поднял руку, приказывая Джерарду помолчать. — Почему мы можем не получить свое наследство?

Мистер Пирс болезненно поморщился. Ему не нравился тон Эдварда.

— Его светлость был женат до того, как он женился на вашей покойной матери, на герцогине, — почти шепотом произнес Пирс. — Очень давно. — Пирс помолчал. — Дарем и та юная леди... оба решили, что решение вступить в брак оказалось поспешным и опрометчивым, так сказать, ошибкой молодости, и потому пути их разошлись, — последовала еще одна пауза, — но... развода не было.

Больше Пирс мог ничего не говорить. Эдвард и так понимал, что следовало из сказанного но-

тариусом. Он посмотрел на брата и увидел в его глазах отражение собственного ужаса. Боже святой! Если Дарем был женат... Если его первая жена была жива, когда их отец вступил во второй брак... когда он женился на их матери...

Нотариус продолжил:

— К несчастью, из недавно полученных герцогом писем явственно следует, что его первый брак не был забыт всеми, как это представлялось его светлости. В тех письмах содержится намек на то, что женщина может быть все еще жива. Его светлость потратил немало усилий и средств на то, чтобы определить ее местонахождение...

— Вы говорите, — зловещим голосом сказал Джерард, — что наш отец был двоеженцем?

На лбу мистера Пирса выступили мелкие бисеринки пота.

— Это еще не доказано.

— Но это возможно. — Джерард ткнул мистера Пирса пальцем в грудь. — И вы нам об этом не сказали!

— Мне было приказано не говорить, сэр!

— О чем эти письма? — требовательно спросил Эдвард.

Мало сказать, что эта новость потрясла его. Можно понять, почему отец предпочел скрыть этот факт от Джерарда. Он сражался с Наполеоном в Испании и вернулся оттуда всего два месяца назад, когда его полк перевели в Дувр. Эдвард мог бы даже понять, почему старик и мистер Пирс ничего не сообщили Чарли, даже если Чарли и был наследником титула. От Чарли трудно было ожидать адекватной реакции, а помощи в решении проблемы тем более. Но то, что отец не рассказал об этом ему, Эдварду, который жил с ним под одной крышей, управлял его поместьем и каждый вечер садился с ним за стол... Ухаживал за ним до

самой смерти... Если был на свете человек, которому Дарем мог смело доверить самые страшные тайны, то это он, его сын Эдвард.

Очевидно, он заблуждался.

— Я принес эти письма с собой, как распорядился его светлость... — Мистер Пирс виновато кивнул на свой разбухший от бумаг портфель. — Как я думаю, он хотел сам разрешить проблему и не пожелал тревожить никого из вас троих, милорд.

Да уж, он сильно всем удружил, с горечью подумал Эдвард.

— Мы позже на них взглянем, — произнес он, с трудом скрывая эмоции.

— Благодарю вас, милорд, — с поклоном сказал Пирс и торопливо, явно испытывая облегчение, последовал за дворецким наверх.

Эдвард направился следом за братом в гостиную. Когда Эдвард вошел, Джерард уже наливал себе бренди.

— Чертов негодяй, — пробормотал Джерард.

— Отец или нотариус? — Эдвард закрыл за собой дверь гостиной. Ни к чему будоражить любопытство слуг, они и так слышали больше, чем нужно.

— Оба. — Джерард одним махом осушил бокал и налил себе второй. Вопросительно приподняв бровь, он посмотрел на брата, однако тот покачал головой. — Но больший негодяй все же отец, как мне кажется. О чем, черт возьми, он думал?

— Понятия не имею, и я был тут, рядом с ним, все это время.

Джерард сочувственно посмотрел на Эдварда.

— Я не это имел в виду. Просто... Каким надо

— Глупцом, который не хочет выглядеть таковым, — сказал Эдвард. — Или старым дураком, который все еще думает, что может все и вся держать под контролем.

— Бастарды, — произнес Джерард, и Эдвард невольно поморщился. Произнесенное вслух, это слово резануло по ушам. — Мы все бастарды, если окажется, что та женщина жива. Все это... — он обвел рукой вокруг себя, словно хотел охватить этим жестом комнату, дом, поместье, — все достанется какому-то чужаку. — Он помолчал немного. — Кому все это перейдет? Я даже представить не могу.

Эдвард вздохнул. Ему даже думать об этом не хотелось. Дарем должен был отойти Чарли.

— Какому-нибудь дальнему родственнику. Возможно, нашему троюродному брату Августусу.

— Возможно, тому, кто посылал эти письма, — сказал Джерард.

— Возможно. Возможно, это она сама их и писала. Возможно, ее дети... Господи... — прошептал он, словно ему только что пришла в голову эта поразительная мысль. — Ты ведь не думаешь, что у нашего отца были другие дети?

— Вот это будет скандал! — Брат его хрипло рассмеялся. — Странно, что они до сих пор не заявили о себе во весь голос.

— Странно, что наш отец ни разу не заикнулся об их возможном существовании. — Эдвард подошел к высоким стрельчатым окнам, выходящим на роскошный сад, разбитый в соответствии с планировкой, составленной их матерью. Сад, за которым так любовно ухаживал сам Эдвард. Он чувствовал себя дома в этом саду. Ему было так хорошо и покойно там. Так было. Грудь его распирало от ярости, от обиды за то, что все это у него отнимут и отдадут другим. Он всю свою жизнь провел тут, делая все, что требовалось. Он был